

À ãî äü Äåëèêî é Î òå÷ãñòâáí í î é

В. В. Карпова

Î î î ÷ êà â ì ãðèè ä ãèèèäîî ãñèè é î êèóí àèèè

Бывают события весьма значительные для своего времени. Они не стираются из памяти по прошествии лет. Не тускнеют от неумолимого бега времени эпизоды борьбы за свободу своей Родины. Напротив, каждый прошедший год с возрастающей силой подчеркивает величие этой борьбы, делает её более зримой. Память о событиях Великой Отечественной войны бережно хранится и передается из поколения в поколение, в том числе у опочан.

Жители Опочки с первых дней испытали на себе грозное дыхание войны. Вражеские самолеты появлялись под Опочкой почти ежедневно. Слышались близкие раскаты разрывов: немцы бомбили Псково-Полоцкую железную дорогу.

Районный комитет Коммунистической партии и районный исполнительный комитет совета депутатов превратились в круглосуточно действующий штаб. Уже 22 июня 1941 года были организованы митинги в колхозах, машинно-тракторных станциях (МТС), на промышленных предприятиях, в учебных заведениях. На одном из них тракторист Опочечкой МТС Федотов Иван сказал: «Мы, работники МТС, все возьмем оружие. Пусть

знают немцы, что мы великое и непобедимое государство». Выпускница Опочечского педагогического училища комсомолка Литвиненко говорила в тот день на митинге: «Если потребуется, то я ничем не уступлю мужчинам, так же без промаха буду бить врага» (21).

23 - 25 июня в военный комиссариат стало поступать множество заявлений от опочан с просьбой направить на фронт. Тамара Калнин, ученица первой средней школы, одна из первых подала заявление отправить ее на краткосрочные курсы медсестер. «Я окончила школу и не могу сидеть, не помогая бить врага Родины. Хочу быть медсестрой и оказывать помощь раненым», - писала Тамара (21).

Уже в первые дни войны Опочечкий райвоенкомат отправил в действующую армию свыше 800 человек, из них 50 коммунистов, остальные комсомольцы и несоюзная молодежь (21). По распоряжению райкома партии опочане рыли за домами траншеи, заготавливали песок и воду на случай пожаров. Для поимки вражеских лазутчиков был создан истребительный отряд.

В первых числах июля 1941 года Калининский обком Компартии¹ дал указание об

Карпова Валентина Васильевна – кандидат исторических наук, директор Опочечского педагогического колледжа

¹ Опочечский район в 1941 г. входил в состав Калининской области.

эвакуации вглубь страны государственных ценностей и скота. Первая и вторая Опочецкие, Глубоковская и Духновская МТС отправляли в глубокий тыл тракторы и другую сельхозтехнику. Начал эвакуацию льнозавод. Из Опочецкого района было эвакуировано 9 тыс. голов коров и овец колхозного стада в Ярославскую и Горьковскую области. С Советской площади ежедневно отправлялись подводы и машины с зерном и оборудованием (12).

5 июля 1941 года прекратил финансовые операции Госбанк. Для вывоза ценных бумаг и денег исполком выделил две подводы и одну машину «полуторку». Эвакуация ценностей была возложена на главного бухгалтера Блохина и старшего кассира Афонского. Для охраны военкомат выделил красноармейца, вооружив его винтовкой-трехлинейкой и сотней патронов. Ценности Опочецкой конторы Госбанка были в сохранности доставлены в Госбанк Марийской АССР.

Казначей Опочецкого льнозавода Г.П. Смирнов, старый, больной человек, в конце дня 5 июля получил из Госбанка большую сумму денег для выдачи рабочим заработной платы и выходного пособия. Пришел на завод, а там уже ни души: завод эвакуировался на восток. Долгий и тяжелый путь прошел старик пешком, но добрался до Калинина и сдал в местное отделение Госбанка все деньги. Дорогой он голодал, но не истратил ни одной рабочей копейки (12).

В июле германская авиация массированными налетами вывела из строя Псково-Полоцкую железную дорогу, разрушила железнодорожный мост на участке между Опочкой и Идрицей. Для эвакуации оставался единственный путь: шоссейная дорога через Кудку - Кудеверь - Локню - Холм - Осташков. Участок дороги Опочка - Кудеверь подвергался непрерывным налетам вражеской авиации. Фашистские летчики на бреющем полете расстреливали людей на дороге и вблизи нее. В начале июля 1941 года фашистская авиация бомбила Завеличье. Вспыхнули пожары, сгорело несколько домов.

После того, как 4 июля 1941 года был взят немцами Остров, 5 июля - Краснородск, враг приблизился к Опочке. Обороняли город по реке Великой части 46-й тан-

ковой (так и не получившей танки) дивизии полковника Кольцова, отступавшей с тяжелыми боями от Даугавпилса с 27-й армией Северо-Западного фронта (21).

Военное руководство части отдало приказ коменданту Опочки сжечь город. Исполнителями были назначены комсомольцы, не призванные в армию. 4 июля вечером город запылал. Почти полностью были сожжены центральные улицы: Ленина, Почтовая (остались целыми три дома, принадлежавшие хорошим знакомым коменданта), Красноармейская, Некрасова (остались три дома, отмоленные старушками), Урицкого (осталось четыре дома), Набережная вместе с церквями XVIII века - Лукинской и Сергиевской. Случайно не загорелся дом № 45 по улице 9 Января (рассказывали, что хозяйка обошла его с иконой). Сожжено было почти все Завеличье (особенно район рынка), за исключением больницы с окрестными домами. Тот, кто должен был сжечь эту часть города, не выполнил приказ, за что был расстрелян отступавшими войсками, успевшими взорвать только спиртзавод (16). Уничтожению подлежали жилые дома и предприятия, но остались общественные здания, занятые впоследствии немцами (14). Много горожан к 4 июля покинули город, но далеко уйти не успели. Им пришлось возвращаться на пепелище и устраиваться в случайно уцелевших домах, например, трех бараках на улице Полоцкой за больницей. Не успевших уйти из города поджигателей немцы ловили и расстреливали (16). Так за несколько дней, с 4 по 8 июля, была сожжена большая часть деревянной Опочки вместе с имуществом ее жителей.

Утром 9 июля 1941 года передовые мотоциклетные части врага ворвались в город в районе Завеличья, стараясь захватить город с ходу. Старый Вал снова стал крепостью, но продержалась она недолго. В ночь на 10 июля наши части стали отходить в район высот Кудки - Лаптево (18). 10 июля 1941 года немецкие войска заняли город. На второй день на заборах, стенах зданий висели приказы и распоряжения со страшными словами «Расстрел», «За неподчинение - смертная казнь», «За нарушения - смерть». На общественных зданиях заколыхались штандарты с фашистской свастикой.

К началу зимы 1941 года гитлеровцы прочно обосновались в Опочке. На складах армейского значения концентрировались большие запасы провианта, оружия, взрывчатки. Улицы города с июля месяца стали патрулироваться гестаповцами и предателями-полицаями. Начальником отделения полиции безопасности (СД) стал матерый нацист, опытный контрразведчик капитан Крезер. Создали оккупанты и крупную хозяйственную комендатуру во главе с майором Гофманом. Большинство должностей в комендатуре занимали русские. Следить за ними Крезер поручил Рейхерту.

Первыми хозяйственными мероприятиями Гофмана стали отбор рабочей силы из молодежи для отправки в Германию и образование команд по заготовке выборочного соснового леса для нужд Германии. Под командой и наблюдением немцев людей отправляли в лес, где они рубили указанные немцами деревья, а затем вытаскивали на себе к дорогам или впрягали их вместо лошадей в подводу, которую грузили бревнами. Каждую «подводу» сопровождал конвой, которому были даны неограниченные права (10).

На опочечские деревни налагалась контрибуция металлом. Весь собранный ими металл, от консервных банок до чугунных кладбищенских крестов, подлежал отправке в Германию через железнодорожную станцию Опочки. Таким образом было вывезено от 1 до 5 тонн металлолома (11). Разрешалось вместо металла собирать макулатуру. За плохо выполненную работу или отказ от нее налагались суровые меры наказания - заключение в концентрационный лагерь, за саботаж - расстрел (13). Аналогичные меры применялись и за отказ сотрудничать.

Осенью 1942 года отряд карателей потребовал от жителей деревни Артюхово указать дорогу к партизанам и дать проводника. Артюховцы отказались. Тогда каратели согнали всех жителей в стоявшее неподалеку гумно, заколотили двери, стены облили бензином и подожгли. Все 63 человека сгорели. От деревни остались лишь почерневшие печные трубы. Теперь на месте, где стояло гумно, установлен обелиск. На мемориальной доске написаны имена заживо сожженных (12).

На захваченных территориях немецкое командование полномасштабно использовало дешевую рабочую силу. Так, в 1942 году в деревне Голощапы стояла немецкая воинская часть, в задачу которой входило ремонтировать подбитые танки, восстанавливать разрушенную партизанами связь. В ремонтных мастерских и на разрушенной партизанами связи обязывали работать мужчин из местного населения. Штаб немецкой воинской части контролировал работу по вырубке отборного леса и отправке его в Германию, вёл надзор за строительством железной дороги со стороны Латвии. На строительстве дороги работала молодежь. Только так было возможно избежать отправки в Германию. Между собой люди говорили: «Лучше выполнять рабский труд на Родине, дома, чем в Германии». Самые тяжёлые работы выполняли русские. «Копать землю, дробить камень, заготавливать лес - эта работа не для немцев, для этого есть русские дешевые рабочие руки», - было написано в одной из немецких инструкций, вывешенной в штабе воинской части и ремонтных мастерских в Голощапах (21).

В деревне Глубокое немцы организовали три лагеря, в них жили эвакуированные из Ленинграда. Они размещались в землянках по 5-6 семей. Каждый лагерь был обнесён колючей проволокой, охрана была круглосуточной. На неделю выдавалась буханка суррогатного хлеба, и один раз в день варилась похлебка. Многие умирали с голоду. По 13-14 часов в сутки заключённые работали на строительстве дорог, блиндажей, на лесопилке. На работу обязаны были выходить и местные жители. Во время работы с хлыстом в руках расхаживал фашист и всё время рычал: «Русс, арбайтен, арбайтен! Шнеллер!» («... работай, работай! Быстро!») За невыход на работу мирных жителей наказывали розгами или сажали в бункер, да ещё на голодный паёк (13). Все трудоспособные граждане Опочки должны были работать: на торфоразработках, лесозаготовках, уборке сельскохозяйственных культур, на льнозаводе, чистке туалетов в казармах и т.д. За этим строго следили на бирже труда, располагавшейся в здании на площади (ныне учебный корпус ПУ-1). Первое время опочанам, направленным на работы, ничего не платили, поэтому приходилось очень труд-

но. Начальником биржи труда был Ульманис, хорошо говоривший по-русски (8).

Немцы усиленно занимались «вербовкой» рабочей силы для отправки в Германию. По некоторым данным, из Опочецкого района было насильственно угнано в Германию 430 человек. В Опочецком музее хранится лагерный пропуск (копия) № 321 «Восток», принадлежавший опочанке Татьяне Егоровой, находившейся в лагере на острове Фазанов и работавшей на ферме владельца завода по металлообработке и литью. Молодая девушка сполна познала жизнь «восточной» рабочей. В пропуске указано: «Запрещается посещать общественные места: рестораны, гостиницы, кинотеатры, все увеселительные места. Знак «Восток» иметь всегда при себе, носить на видном месте» (21).

Опочанка Паршина Нина Яковлевна, 1923 года рождения, оказалась в лагере в Штудгофе, где видела печи крематория, людей, над которыми производил опыты немецкий профессор Менгеле. Затем девушка работала у хозяев в Данциге, возила молоко на молокозавод. Однажды увидела в небе наши самолеты, остановила лошадь и, забыв про осторожность, начала махать им рукой. Эту картину заметил жандарм, подошел и спросил: «Не боишься?» Нина ответила, что нет. Тогда он поводит автоматом у ее лица, но отпустил.

Война близилась к концу, Нину и других работников перевезли в Эстонию на остров Эзель, где их и освободили советские войска 8 мая 1945 года. Нина Яковлевна вспоминает, как мало ценили немцы жизнь русских работников. Однажды 16-летнего мальчика казнили самым жестоким образом: поставили на колени, положили голову на бревно и отрубили. Поразила девушку будничность убийства: как будто между прочим лишили человека жизни (8).

В 1941 году начальник отделения полиции безопасности (СД) Опочецкого района Крезер издал указ об уничтожении еврейского населения. Начали с одиночных арестов, закончили массовыми. К концу 1941 - началу 1942 года было арестовано все еврейское население Опочки, которое по некоторым обстоятельствам не могло эвакуироваться, и было заключено сначала в полуразрушенное

здание на площади (напротив современного учебного корпуса ПУ-1), а затем в лагерь, который находился на окраине города по Островскому шоссе.

Первый массовый арест евреев, по свидетельству Котенко Варвары Степановны, в Опочке был произведен в августе 1941 года. Варвара Степановна вспоминала: «В августе 1941 года по указанию гестапо был произведен массовый арест евреев (более ста человек), проживающих в г. Опочка. Среди арестованных были мои знакомые: семья Вайштейн из трех человек, семья Вишневицких - 2 человека, Либгорт Берта, Гессель и ее родственники, 7 или 8 человек, Кульмас и другие. Всех арестованных поместили в четырехэтажное здание, где их держали до марта 1942 года. В этот период также производили аресты евреев, которые проживали в сельской местности. К марту 1942 года арестованных евреев было около 150 человек. Для них создали кошмарные условия. В комнатах был и ужасный холод и грязь, арестованных морили голодом, заставляли стариков и подростков выполнять непосильные физические работы, в силу этого многие из евреев не переносили таких условий и умирали...» (12).

Анна Афанасьевна Маковская рассказывала: «Со дня своего прихода в Опочку немецко-фашистские захватчики занялись грабежом местного населения, заходили в дома и брали всевозможные вещи, вплоть до детских игрушек. С первых дней у евреев конфисковали все имущество и через короткий срок их всех арестовали и взяли под стражу в помещении казармы. Им выдавали по 125 граммов хлеба. Под арест было взято более 200 человек. Многие из них умирали от голода. Затем немцы стали учинять систематические кровавые расправы, о которых я хорошо помню».

7 ноября 1941 года в Опочке был базар, к 10 часам утра этого дня с базара весь народ был согнан на площадь. На площади установили виселицу, на которой в присутствии всех повесили жену лейтенанта Красной Армии Малк Басю Савельевну. Эта казнь произвела ошеломляющее впечатление на население. очевидцы были потрясены, поэтому помнят даже такие детали, как упавшая туфелька с ноги пове-

шенной (2). 8 марта 1942 года 90 арестованных евреев, в том числе старики, женщины и дети, после обеда были выведены за Опочку, по масловской дороге, и на окраине леса расстреляны (12).

Из разговоров населения известно, что осенью 1943 года могилы расстрелянных евреев были вскрыты и трупы сожжены на кострах. Костры немцы жгли двое суток и к ним никого не подпускали, была поставлена усиленная охрана. Все еврейское население Опочки и случайно попавшие евреи были истреблены полностью (12).

Репрессии коснулись, конечно же, не только евреев. Постоянно под смертельной угрозой находилась жизнь всех советских людей, оставшихся на оккупированной территории.

На Коммунальной улице, в складском помещении, немцы устроили пересыльный лагерь, вернее - пересыльную тюрьму. Условия содержания заключенных были нечеловеческие. В стенах этой тюрьмы проводили зверские пытки: избивали резиновыми плетками, кололи под ногти иголки, резали тело лезвиями бритв, поджигали на голове волосы. Не все выдерживали страшные пытки, умирали в мучениях. В июле 1944 года опочане смогли прочесть надписи узников, написанные на стенах гвоздем, стеклом, кровью: «Здесь сидел Михайлов Иван, 1924 года рождения. Приговорен к смертной казни». «Партизан Киселев Леонид, Псков, Застенная, 17, расстрелян». «Партизан Пунтус Владимир, Идрицкого района, расстрелян». «Расстрелян», «Погиб», «Умираю», «Отомстите за меня», «Прощай, Родина» (18).¹

Массовые и одиночные расстрелы фашисты проводили за деревней Кудка (Ровные Нивы), на опушке Варьгинского леса и в районе Песчивки. До сегодняшнего дня места казни отдельных патриотов не установлены.

За время оккупации района и города Опочки было расстреляно, по далеко неполным данным, 634 человека, сожжено 55 деревень, 27 из которых не восстановлено (12).

Где всего трудней было жить мирному населению в годы войны? В оккупации.

Почему? Потому что каждый день, каждый человек был на краю жизни. Те, кому удалось выжить, прошли страшную школу испытаний: унижения, оскорбления, каторжный труд, издевательства, пытки, истязания, голод, болезни. Кроме этого, каждый думал, что надо не только выжить, но и бороться с врагом, приближать победу.

Все сохранившиеся к началу оккупации общественные здания Опочки были заняты фашистами. Так, в домах № 71 и 60 по Ленинской улице размещались жандармское управление и городская комендатура (9). В помещении школы № 3 (ныне часть учебного корпуса педагогического колледжа) немцы устроили солдатский дом, в котором останавливались немецкие солдаты (19). Этот дом обслуживал большой штат работников, в основном опочан: прачки, уборщицы, хозяйственные рабочие и другие (3). Руководили русской прислужкой женщины-немки, которые установили жесткую дисциплину труда (4).

Здание педучилища на углу улиц Ленина и Коммунальной стало хозяйственной комендатурой, а его общежитие во дворе - военной комендатурой (16). Немецкие войска постоянно дислоцировались в военном городке на улице Марковской (ныне улица Кутузова), там же размещалось казино (в двухэтажном здании из красного кирпича). В этом казино работала Анна Чугурмина, подпольщица, тесно связанная с Раисой Гавриловой. Хорошо знавшая немецкий язык, Анна сообщала важную информацию Рае, а та - партизанам (2). Делать это было непросто, так как в городе действовал комендантский час. Раиса Гавриловой, работавшей в хозяйственной комендатуре, удалось достать пропуск, для того якобы, чтобы прятаться от бомбежек в деревне за Опочкой. Так удавалось передавать сведения партизанам. Даже дупло дерева было приспособлено под почтовый ящик для сообщений (2). Работая в казино, Анна Чугурмина тайком слушала радио и таким образом узнавала о событиях на фронте (2).

Установленный фашистами «новый порядок» диктовал населению правила поведения. В первые две недели оккупации немцы

¹ Автору статьи привелось воочию видеть эти надписи. Это было в конце 60-х годов XX в., когда в составе отряда следопытов средней школы № 3 г. Опочки юные пионеры собирали материал о событиях Великой Отечественной войны.

взяли на учет всех жителей города и района. На каждом доме были вывешены списки проживающих, по которым строго проверялись жильцы во время вечерних обходов и облав (4). Вечером действовал комендантский час (4).

Сельское население на оккупированной территории было обложено налогами. Крестьянин должен был платить подворный, поземельный и поголовный налоги, должен был сдать 24 - 28 пудов зерновых и 180 - 220 пудов картофеля с гектара, 800 граммов шерсти с овцы, 350 - 500 литров молока с коровы и др. (13).

Оккупационные власти в Опочечком районе весной 1943 года организовали «помощь» населению: выделили на посев 100 тонн зерна и 200 тонн картофеля, дали для вспашки полей 10 тракторов. Однако большую часть полученного урожая необходимо было сдать в виде налогов (12). Для того, чтобы все это учитывать, складировать, немцы открыли заготовительный пункт, располагавшийся на том месте, где сейчас находится здание почты (4).

Практически во всех подобных учреждениях вынуждены были работать опочане. Часто эта работа являлась прикрытием для подпольщиков. Так, Николай Васильев, работая на заготовительном пункте, не только помогал горожанам выжить, уклониться от угона в Германию, но и собирал важные сведения для партизан. В семье Васильева росли трое маленьких детей: от года до шести лет. И тем не менее он сознательно рисковал. Судьба подпольщика трагична. В 1944 году его схватили фашисты, зверски пытали, держали в камере смертников в подвале больницы, а затем изуродованное тело Николая сожгли в топке кочегарки (7).

На улице Калинина находился овощной склад, где хранились продукты, сдаваемые крестьянами. Ими снабжались немцы. Для обслуживания немцев были открыты швейная и сапожная мастерские на Завеличье, несколько хлебопекарен, мастерские по ремонту машин. Создавая видимость заботы о населении, «новый режим» организовал снабжение горожан хлебом. Однако хлеб был очень плохого качества, наполовину с опилками.

В городе работало несколько магазинов, где можно было купить товары первой необходимости. Но в целом торговля была

налажена плохо. Население выживало благодаря личным подсобным хозяйствам и рынку. В обращении были оккупационные деньги, пфенниги, которые, по воспоминаниям жителей, были похожи на алюминиевые пластинки. Одновременно имели хождение германские марки и русские рубли. Марка приравнивалась к 10 рублям (1).

В годы оккупации работали 8 медпунктов и больница, обслуживая и опочан, и немцев. Врач Ольга Ниловна не только лечила в стенах больницы, но и активно снабжала партизан медикаментами (6). Из лечебных учреждений в Опочке действовал также немецкий госпиталь, расположенный в помещениях школы № 4. Паршина Н.Я. вспоминает, как однажды привела в госпиталь тяжело заболевшую беженку, жившую в их доме. К ним вышел немецкий врач, но помощь оказать отказался, даже не осмотрел больную. Всю дорогу обратно беженка плакала и недоумевала: «И это высокая немецкая культура? Это цивилизованная нация?» (8).

Практически все школьные здания в районе были приспособлены фашистами для своих целей. Так, в Духновской школе располагалась хозяйственная комендатура. На территории Терebenской школы в 1942 году существовал концлагерь, куда сгоняли мужчин и женщин из окрестных деревень. Заключенные выполняли различные работы на дороге Опочка - Новоржев. Жили в классах, спали на двухъярусных нарах, всего около 100 человек (15).

Но несколько школ в городе и районе продолжали выполнять свое предназначение. Осенью 1942 года германские власти ввели на оккупированной территории обязательное начальное образование, поэтому не препятствовали работе начальных школ, остальные дети не учились. Обучение велось и по советским учебникам, и по немецким (на русском языке). В расписании стояли уроки арифметики, чтения, Закона Божьего, русского и немецкого языков (17).

Школы находились в крайне тяжелых условиях: не хватало учебников, тетрадей, дров для отопления. Часто дети болели, голодали. Труд учителя оплачивался как рублями, так и марками. За 30 часов занятий в неделю плата составляла около 500 рублей. Прожи-

точный минимум в то время составлял около 1000 рублей. Один литр молока на рынке стоил 60 - 70 рублей, пуд ржаной муки 800 -1200 рублей (17).

На железнодорожной станции Опочки работала начальная школа. В ней около года преподавала Раиса Гаврилова, пока по заданию партизан не устроилась в хозяйственную комендатуру. Осенью 1942 года там же учила детишек Мария Макаровна Медведева. До этого, зимой и весной 1942 года, она работала в Столбовской школе, куда каждый день ходила 10 км пешком через лес (4). Функционировали городская школа № 2, Рясинская начальная школа. Власти слабо контролировали школы, поэтому педагоги на свой страх и риск продолжали воспитывать детей в прежнем патриотическом духе (5).

К сожалению, большинство учителей, работавших в оккупации, после освобождения были отстранены от педагогической деятельности, а некоторые, как, например, Пелагея Алексеевна Минченкова, заведующая начальной школой в Подлипатье, Зинаида Александровна Китаева, учитель музыки школы № 2, больше не смогли работать в образовательных учреждениях Опочки (6). Китаева З.А. после войны зарабатывала на жизнь частными уроками игры на фортепиано (5). Таким образом педагоги «расплачивались» за выполнение профессионального долга на оккупированной территории.

В годы оккупации Опочка была буквально напичкана разными силовыми структурами «нового порядка». На Завеличье располагались отделение жандармерии (в здании между часовней и больницей) и гестапо (деревянный дом рядом с современной поликлиникой), где сидели арестованные подпольщики и куда приводили их после пыток и издевательств фашисты (3). В здании на площади (ныне учебный корпус ПУ-1) располагались кроме биржи труда несколько военных соединений: отряд ЕКА для борьбы с партизанами и казачий эскадрон русской освободительной армии А.Власова (8). Отряды ЕКА располагались также в здании школы № 1 (7). На углу улиц Коммунальной и Красных Командиров в сохранившемся до наших дней здании из красного кирпича находилась городская управа. Городским головой (бур-

гомистром) был Буржинский. Он сумел за годы оккупации построить для своей семьи дом на улице Ленина (дом видоизменен, но сохранился до наших дней). У Буржинского был сын, который очень переживал, что отец служил у немцев. Воспитанный в духе советского патриотизма, юноша не вынес укоров совести, упреков людей и ... застрелился (3).

В пропагандистских целях немецкие власти использовали Православную церковь. С самых первых дней оккупации стала действовать «Православная миссия в освобожденных районах России» (20). В Опочке функционировала Покровская церковь, где служил отец Владимир. До войны, в период гонений на священнослужителей, отец Владимир вынужден был оставить службу священника и работал маляром. В период оккупации он вернулся к церковной деятельности (3). На счету церкви было много благих дел: помощь детям-сиротам, больным, немощным. Церковь работала под эгидой оккупационных властей, и ей вменялось в обязанность прославлять в проповедях силу и мощь Германии, преимущества «нового порядка». Однако, задействовав в пропагандистских целях православную церковь, оккупанты не учли, что основные идеи православия противоречат нацизму, а возрождение приходов сплачивает народ, помогает вместе противостоять беде. Об отце Владимире очень тепло отзывалось население. Он мог выслушать, помогал советом, успокаивал. В тяжелое время оккупации такая работа помогала людям переживать трудности. Кроме того, отец Владимир в своих проповедях призывал сопротивляться немцам, бороться с ними (5).

Большая часть опочан, несмотря ни на что, люто ненавидела фашистов. И поэтому, потеряв страх, люди ликовали при появлении в небе наших самолетов, хотя бомбы, сбрасываемые советскими летчиками, разрушали город, дома, убивали жителей (3). Но это было приближение освобождения.

15 июля 1944 г. Опочка была освобождена от фашистских захватчиков. Во фронтовой газете капитан М. Автономов так описывал освобождение Опочки: «Город изранен. Его раны еще кровоточат. На площади красный язык пожара лижет пустые глазницы окон большого дома. За рекой еще гулко

рвутся снаряды и мины. Но уже слышится счастливый вздох города: радость освобождения звучит в веселых голосах ребят, в полыхании красного флага на высоком доме, в трогательных встречах.

По улице идет с узлом изможденная женщина. Это старая горожанка Мария Со-синская. Завидев гвардейских офицеров, она торопливо ставит узел на тротуар, прижимается к груди офицера и сквозь слезы шепчет:

- Родные наши... Пришли... Спасли нас...

Она и улыбается, и плачет. Это радостные слезы, слезы вернувшейся жизни» (12).

Гвардии майор В. Жилиев вспоминал, что еще рвались снаряды, а жители Опочки начали приводить город в порядок. Девочки Вера и Зина успели побывать в здании городской комендатуры и разыскали там старые советские учебники. Девчонки улыбались,

что будут продолжать обучение, прерванное войной (9).

Война явилась серьезным испытанием для советского народа, но этот экзамен он выдержал с честью. Все усилия фашистских властей по идеологической обработке населения оказались напрасными. И дело не только в военных победах Советской армии. Немцы не учли ментальность русского народа, которому были чужды идеи фашизма. Оккупационный режим оказался бессильным изменить сложившийся уклад жизни людей, социально-экономический порядок.

События военного лихолетия часто возвращаются к тем, кто их пережил, в снах. Паршина Н.Я. нередко видит один и тот же сон: «Догоняют меня немцы в черных мундирах, очень страшные, а я бегу, бегу и в ужасе просыпаюсь. И тогда осознаю, что ни от кого убежать не надо. Какое это счастье!»

Примечания

1. «Войной испепеленные года». Псковский край накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1939 - 1949 гг. Сборник документов Государственного архива Псковской области. Псков, 2005. 496 с.
2. Воспоминания О.В. Гавриловой. Записала В.В. Карпова. 29.05.2007.
3. Воспоминания Н.Е. Гавриловой. Записала В.В. Карпова. 29.05.2007.
4. Воспоминания М.М. Медведевой. Записала В.В. Карпова. 29.05.2007.
5. Воспоминания Р.В. Ковалевской. Записала В.В. Карпова. 4.06.2007.
6. Воспоминания В.М. Русакова. Записала В.В. Карпова. 28.05.2007.
7. Воспоминания В.П. Парамонова. Записала В.В. Карпова. 6.06.2007.
8. Воспоминания Н.Я. Паршиной. Записала В.В. Карпова. 5.06.2007.
9. Жилиев В. Город на Великой // «Суворовец». 16.07.1944.
10. Заболотнов В. Подпольный райком действует // «Красный маяк». № 45. 2001.
11. Книга Памяти. Псковская область. Историко-документальная хроника. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Т.1. - Псков, 1994. - 608 с.
12. Книга Памяти. Псковская область. Опочечкий район. Красногородский район. Историко-документальная хроника. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Т.7. - Псков, 1994. - 608 с.
13. Непокоренная земля Псковская. Л., 1976. С. 40, 56-57, 130-131, 156-198, 206, 216-219, 228-231, 295-297.
14. Иванова В. Сестра «Абсолюта» // «Красный маяк». 8.05.2001.
15. Ильина Н. День в концлагере // «Красный маяк». № 17. 2002.
16. Коврижкин Ю. Опочка, опаленная пожаром... // «Красный маяк». № 45. 2001.
17. Маркова М.Т. Школы Псковского края в годы Великой Отечественной войны // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2005. № 23. С. 217 - 221.
18. Опочка. Путеводитель. Л., 1973. С. 87-106.
19. Плотников П. Памятные дни. // «Красный маяк». 14.07.1984.
20. Попова О.В. Православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Псковский край. Культура, образование, история. Псков, 2000. С. 136-156.
21. Романов П. Наш героический край. К 580-летию города Опочки. 1414-1994 гг. Опочка, 1993. С. 47-82.